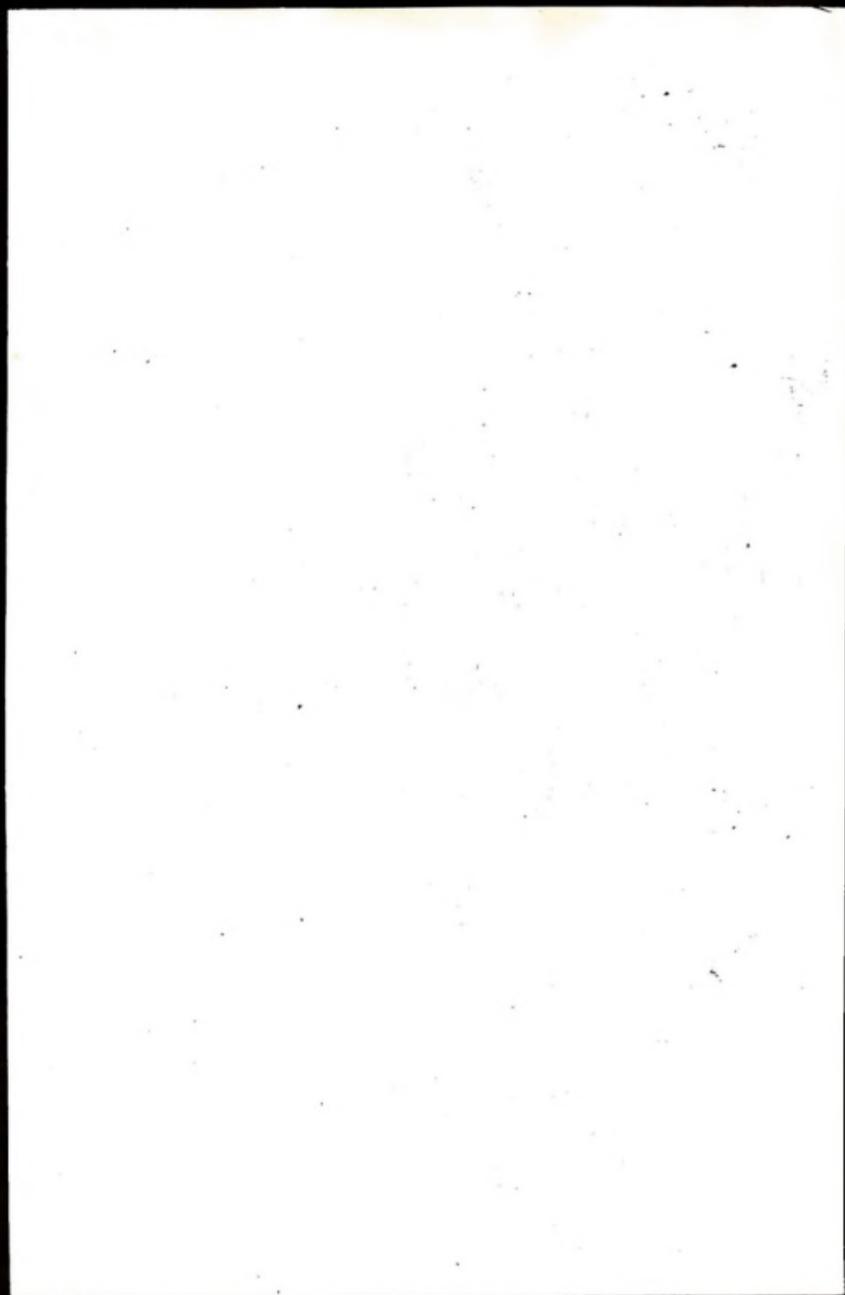
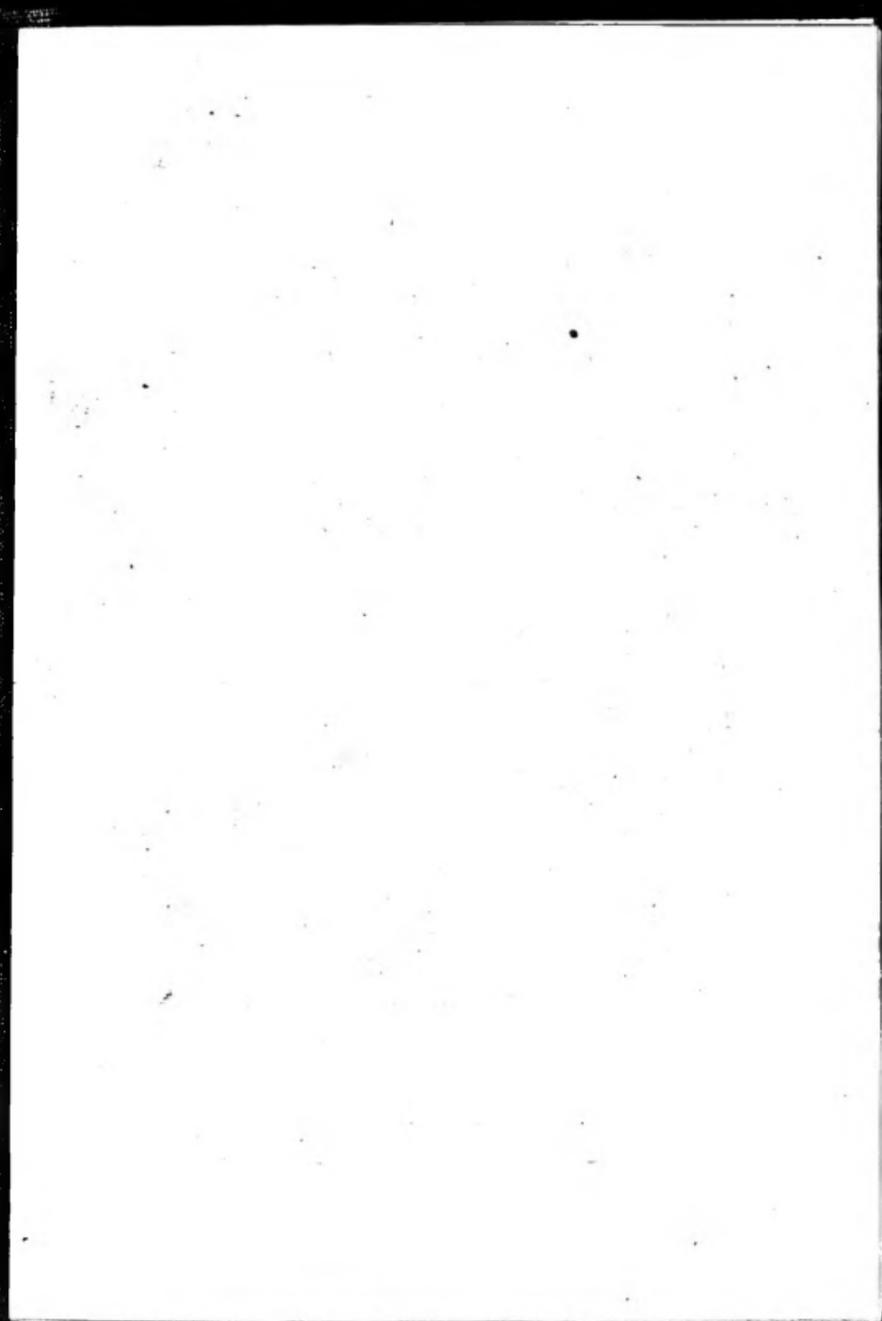

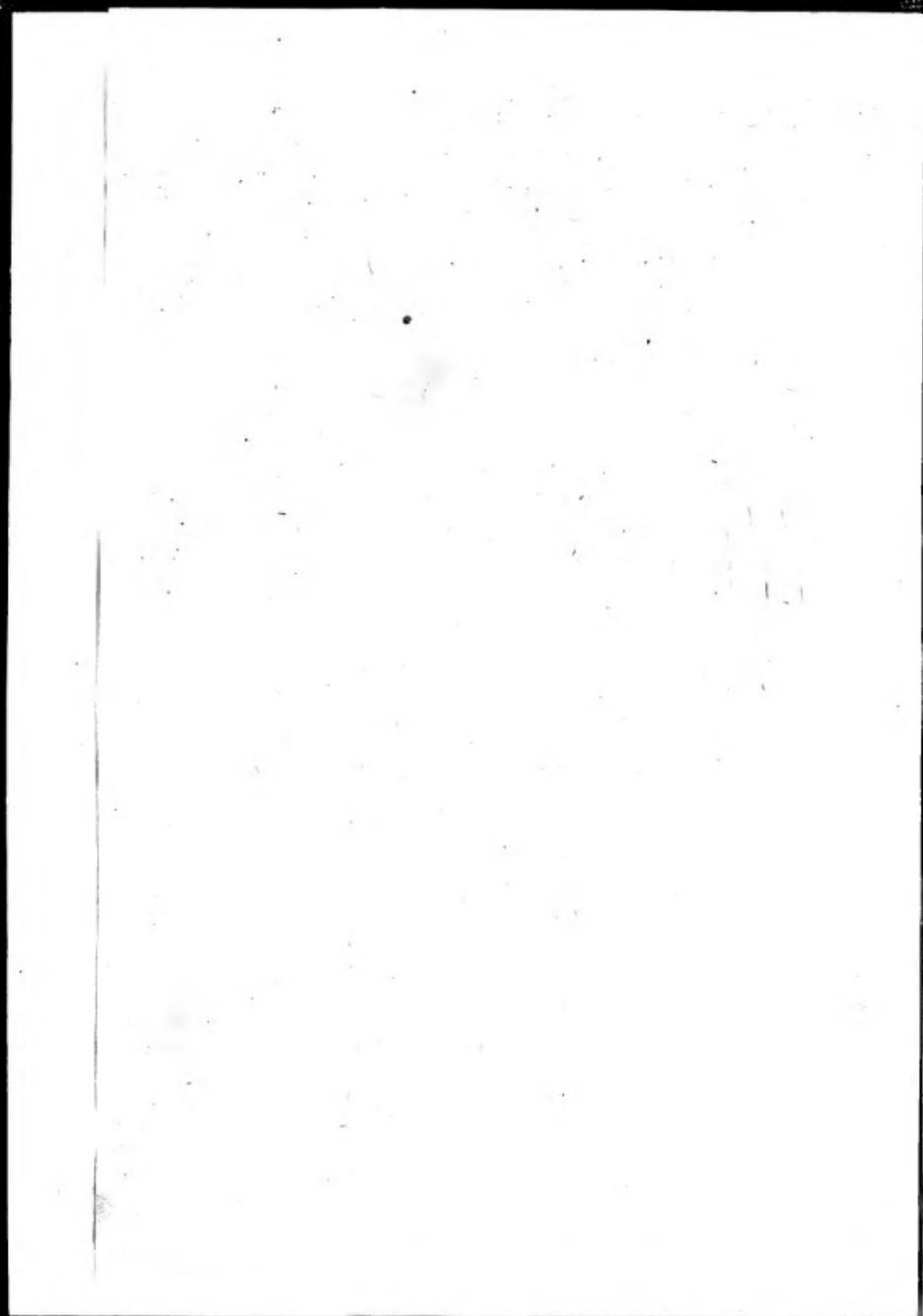

И. ТРОЦКИЙ СОВРЕМЕН. ПОЛОЖЕНИЕ И ЗАДАЧИ
ВОЕН. СТРОИТЕЛЬСТВА

111
1967
111

20/11
Л. ТРОЦКИЙ

ЕН171

С 667

СОВРЕМЕННОЕ
ПОЛОЖЕНИЕ
И
ЗАДАЧИ
ВОЕННОГО
СТРОИТЕЛЬСТВА

ВЫСШИЙ
ВОЕННЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. Баранский

Высший Военный Редакционный Совет.

Москва, Смоленский бул., 53, тел. 2-15-20.

ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Цена в червонных рублях.)

Л. ТРОЦКИЙ.

Перспективы и задачи военного строительства.

30 стр. Ц. 30 к.

Х. РАКОВСКИЙ.

Грядущая революция.
(В Лозанну и обратно)—40 стр.
Ц. 20 коп.

Путевые заметки по дороге на Лозаннскую конференцию. Популярное изложение современной международной обстановки, тающей в своих особенностях, наряду с причинами новых войн, и зачатки грядущих революционных потрясений.

Вышел из печати

КАТАЛОГ № 1.

Издание Высшего Военного Редакционного Совета с 1 января 23 г. по 15 июня 23 г. 32 стр.
Ц. 10 к.

Л. ТРОЦКИЙ.

Как вооружалась революция.
Том 1, 431 стр., 6 сх. Ц. 4 р.

Н. М. ЛУКИН-АНТОНОВ.

Из истории революционных армий.

Курс лекций, читанных в Воен. Акад. РККА. 24^{1/2} стр. Ц. 3 р.

Это один из наших серьезных марксистских трудов, охватывающих историю революционных войн, главным образом, связанных с историей Англии и Франции. Автор в своем исследовании доходит до наполеоновского периода.

Я. ЛОЗОВСКИЙ.

Против новой войны.
(Франкфуртская конференция).
19 стр. Ц. 10 к.

Автор живо излагает решения рабочей конференции во Франкфурте. Вопрос об едином фронте, рабочем правительстве, комитетах действия и вопросы практической антивоенной и антифашистской работы отражены в живой и популярной форме.

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15 до 30%, в зависимости от числа приобретенных экземпляров.

С. С. С. Р.
ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЕН171
С667

Л. ТРОЦКИЙ.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ
И ЗАДАЧИ
В О Е Н Н О Г О
СТРОИТЕЛЬСТВА

ДОКЛАД
НА 3-м ВСЕСОЮЗНОМ
С О В Е щ а н и и
ПОЛИТРАБОТНИКОВ
КРАСНОЙ АРМИИ
И ФЛОТА

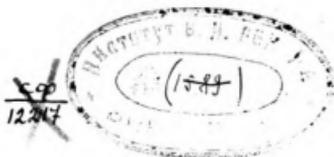
ВЫСШИЙ ВОЕННЫЙ
РЕДАКЦИОННЫЙ
С О В Е Т

МОСКВА 1921

Главлит № 14418.
Типо-хромолитография
„ИСКРА РЕВОЛЮЦИИ“
Мосполиграф (быв. 7-я)
Москва, Филипповск., 11.
Тираж 15000.

ЕН171
С667

~~376~~ с. 1.
56

1063174

РЕВОЛЮЦИЯ И ВОЙНА.

Революция и война часто шли рядом. Мы знаем из истории факты, когда война вызывала революцию, и наоборот. Объясняется это тем, что та и другая—и война, и революция—означают величайшее потрясение общества, когда старое привычное равновесие нарушается, внешнее потрясение вызывает внутреннее, и наоборот.

В природе войны и революции есть общие черты. Эти общие черты очень близко касаются нашей общей с вами работы. Для того, чтобы была возможна война и именно победоносная война, необходимы известные социальные, политические и организационные предпосылки. Нужно, чтобы хозяйство общества сделало возможным войну, нужно, чтобы массы народа были согласны на войну или, по крайней мере, не противились ей активно. Но этим, разумеется, еще не решается успех войны. Нужно, чтобы была организация, которая знает искусство войны, умеет создать план ее, распределить роли, двинуть в дело силы и обеспечить победу. Такой организацией должна быть армия.

Далеко, разумеется, не полную аналогию мы имеем относительно успешности революции. Для того, чтобы революция стала возможной, как победоносная, необходимо, чтобы хозяйство данной страны достигло известного уровня развития, необходимо, чтобы в обществе был класс, который заинтересован в революции, и, наконец, чтобы во главе этого класса стояла организация, которая сумела бы повести революцию, развить ее и завершить победоносным захватом власти.

Попытку захвата власти без социальных и политических предпосылок называют на немецком языке «путчем», т. е., так сказать, выкидышем вооруженного восстания. Но, с другой стороны, если предпосылки революции налицо, т. е. обстановка революцион-

ная, если есть класс, заинтересованный в революции, представляющий собою решающую силу, но нет партии, нет организации, которая могла бы руководить, или же, если эта партия слаба, нет у нее ясного плана, то можно провалить самую благоприятную революционную ситуацию.

Точно так же обстоит дело и с войной. Можно провалить войну в самых благоприятных условиях, т. е. при наличности единопущия широких народных масс, готовых воевать. Если организация плоха, стратегия плоха, тактика отстала, если части несогласованы, то можно провалить самую лучшую международную ситуацию. Я говорю, товарищи, об этих сходных чертах войны и революции потому, что сейчас они как раз особенно сближены. Мы собрались на в высокой степени важное совещание наших военных политических работников. Мы будем решать очередные наши задачи, но решать мы их будем под знаком исключительно ответственной исторической обстановки. Чем это определяется? Революцией в Германии и возможными опасностями войны, вырастающими из этой революции. И для революции, и для войны необходима тщательнейшая подготовка, и ни в каком случае нельзя надеяться на импровизацию или на покровительство бабушки-истории. Эта бабушка в 17 и 18 г.г. ворожила нам и ворожила совсем не плохо. Но враги наши за эти 6 лет многому научились, и теми простецкими средствами, которыми мы действовали в 17 году, теперь действовать нельзя.

ПРОВАЛ БОЛГАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

На-днях мы имели пример провала революции, для которой были благоприятные предпосылки. Я имею в виду революцию в Болгарии. Болгарское правительство, выросшее из переворота, держится на врангелевских штыках. Политические партии переворота представляют собой ничтожную силу, коммунисты сильны; большинство страны и крестьянство—чуть не на 100%—против правительства Цанкова. При сколько-нибудь серьезной подготовке мы там, по отзывам товарищей, знающих Болгарию (я с ней также знаком по собственным наблюдениям, но это было давно: мое последнее посещение Болгарии относится к 1913 году),—по всем данным, мы могли бы иметь в Болгарии победу, но мы ее не имеем. Почему? Социально-политические предпосылки были налицо. Буржуазные партии скомпрометировали себя целиком. На смену им

пришла крестьянская партия. Головка этой партии—правительство Стамболийского — скомпрометировало себя. Все симпатии пошли налево и были перенесены на коммунистическую партию. Вооруженные силы врага были ничтожны. И тем не менее мы оказались разбиты. Нехватило ясного, отчетливого плана действий и решающего удара в назначенный момент и по назначенному месту. Нельзя смешивать революцию и вооруженное восстание. Революция есть совокупность гигантских событий, революцию нельзя назначать, нельзя распределять заранее роли в ней, но когда революционная обстановка создалась, то она ставит перед революционным классом уже практическую задачу:

— Возьми власть!

Это есть по существу военно-революционная задача. Для этого нужно врага повалить на обе лопатки, вырвать у него инициативу, вырвать у него власть. Это предполагает план, инициативу, назначение срока и целый ряд военных действий. Если упустить момент, обстановка может радикально измениться, и потом в рядах революционного класса может начаться распад, отчаяние в своих силах и пр. и пр.

ПОЛОЖЕНИЕ В ГЕРМАНИИ.

В отношении Германии, разумеется, эти опасности не исключены. Сейчас все говорит за то, что они там уменьшаются со дня на день. Конечно, вопрос о германской революции несравненно важнее, чем вопрос о болгарской. Нельзя, конечно, отрицать того, что для нас превосходным подарком истории было бы, если за пять минут до революции в Германии, была бы захвачена власть в Болгарии. Этого, к сожалению, не произошло. Сейчас поднимается завес над германской драмой, размеры которой гораздо более крупны, чем размеры революции в Болгарии, и здесь тоже не исключена возможность опасностей, о которых я говорил. Заранее обеспеченных революций не бывает на свете. Но вместе с тем все более выясняется для народных масс, что выхода для Германии на пути реформы, на пути парламентаризма уже нет. Обстановка вполне созрела для революции также и в том смысле, что основной класс общества — пролетариат — представляет собой класс решающего значения, абсолютно преобладающий в стране. В Германии 15 миллионов индустриальных рабочих, 3—5 миллионов сельско-хозяй-

ственных рабочих*), которые представляют собой тоже очень боевой элемент. Этого нет ни в одной стране. Наконец, возьмем это ужасающее падение марки, которое колеблет жизнь в ее самых простейших бытовых отношениях изо дня в день, выбывая почву из-под ног каждой работницы, каждой домашней хозяйки, каждого рабочего, долбя им в голову, что дальше так жить нельзя. Сегодня телеграф принес нам известие, что доллар поднялся до 12 миллиардов марок.

На ряду с этим в Германии наблюдается чрезвычайно быстрый рост влияния коммунистической партии. Партия молодая, родившаяся во время империалистической войны, настоящим образом оформившаяся после 9-го ноября 18 года,—эта партия имела много неудач; она потерпела поражение в марте 1921 г., когда пыталась захватить власть, к чему тогда рабочий класс не был подготовлен. Вы помните, как 3-й Конгресс Коминтерна очень жестоко осудил ошибку германской компартии, чем вызвал недовольство левого ее крыла. Но этот урок пошел в прок. С тех пор германская компартия стала руководящей партией германского пролетариата. Политические передвижки последних недель подтверждают это с полной несомненностью. Сообщения из Берлина говорят о том, какое убийственное влияние на германскую социал-демократию имеют саксонский и тюрингенский блоки левых социал-демократов и коммунистов. Против этих блоков поднимались голоса внутри самой компартии. Опасения были таковы: социал-демократия компрометирует себя все более и более, ее левое крыло есть ни что иное, как маневр, — перенести сочувствие изменяющих масс на свое левое крыло. После того, как опасность отпадет, социал-демократия втянет свое левое крыло и покажет настоящее лицо. Такова была критика в наших собственных рядах. Противники коалиции говорили, что если мы вступим в блок с социал-демократами, мы дадим им упрочиться. Коминтерн и германская партия были другого мнения. Правда, мы ведем беспощадную борьбу с социал-демократами. Борьба требует сложнейших маневров. В состав их входят и сознательные уступки тех или иных позиций, отступления, отход и т. д., и т. д. В политике то же самое. Компартия достигла в Германии уже такого влияния, что тяга к ней со стороны социал-

*) «Коммунистический Ежегодник» определяет цифру с.-х. рабочих Германии в 7.000.000. Но эта цифра, полученная путем статистических комбинаций над данными довоенного времени, несомненно преувеличена. Мы берем минимальную цифру.

демократических рабочих весьма велика, но этого недостаточно для того, чтобы пробить старую организационную скорлупу. Свойства рабочего таковы, что он питает величайшую благодарность, любовь, чувство долга к той организации, которая его пробудила к сознательной жизни. Все старшее и среднее поколение германских рабочих пробуждено социал-демократией. Эти ее заслуги отрицать нельзя, но затем социал-демократия обманула рабочего, воспользовалась своим влиянием для того, чтобы по рукам и ногам связать рабочие массы. У рабочего класса отношение к социал-демократии, как к партии, пробудившей его, сохранилось. Поэтому германские рабочие, сжимая кулаки против социал-демократии, в то же время в значительной своей части остались под ее знаменем. Задача коалиции в момент, непосредственно предшествовавший решающим боям, в том и состояла, чтобы пробить эту скорлупу, этот организационный консерватизм. Разумеется, дело не идет здесь о блоке с целью осуществления социалистической программы на основах парламентской демократии. Нет, мы имеем по существу военнореволюционный маневр с целью укрепиться и вооружиться на известной части территории, прежде чем пробьет час решающих действий. Так именно Исполком Коминтерна понимал и понимает саксонский опыт. И по всем данным, тот факт, что коммунисты оказались с социал-демократами в одном правительстве, потряс организационный консерватизм рабочих социал-демократов. Как пример, я приведу то, что в гор. Хемнице 60 фабзавкомов перешли от социал-демократов к коммунистам. Следовательно, там, где социал-демократы стоят у власти, этот факт коалиции несколько не упрочил организации социал-демократии, а вызвал то, что массы потекли на нашу сторону. Социал-демократия распадается на куски. Влияние факта коалиции в саксонском правительстве — со всех сторон имеет для социал-демократии опустошительное значение. В Берлине поворот социал-демократии влево чрезвычайно силен. Таким образом, этот факт оправдал себя в целом.

Коалиция имеет для нас и другое значение. В Германии сейчас происходит классовая борьба, которая свелась к очень простой формуле — борьбе пролетарских масс против боевых отрядов фашистов; я говорю — к очень простой формуле потому, что в Германии сейчас фактически государственного аппарата почти не существует. Эта, достигшая последней степени, классовая борьба находит территориальное воплощение в том, что мы имеем не только вооруженные сотни пролетариата во всей Германии, но и видим,

как готовится плацдарм революции в Саксонии. С другой стороны, Бавария — это плацдарм для фашистского кулачества, руководимого кайзерским офицерством. Мы имеем бок о бок два лагеря. Саксония с Тюрингией являются нашим плацдармом, где рабочие массы все более и более становятся под наши знамена, где мы организуем рабочие сотни. Характерно, что между Саксонией и Баварией сейчас прерваны дипломатические сношения: этот разрыв означает, что пролетариат и буржуазия определенно организуют гражданскую войну. Немцы — народ систематический, они и революцию свою ведут систематически. Наблюдая развивающуюся революцию в Германии, видишь перед собою как-будто строгую систему зубчатых колес, с полной правильностью работающих, как в часовом механизме. И вот надо ожидать, что пробьет двенадцатый час и пробьет, очевидно, скоро.

Я сказал уже, что правительства в Германии сейчас нет, что парламент, избранный на основе всеобщего, равного, тайного и прочих прав, отрекся от избранного им же правительства, в пользу власти генерала Секта. Подлинный государственный аппарат Германии в данный момент — это генерал Сект, прекрасно знающий аппарат истребления масс, знающий свой рейхсвер (100.000 чел.), знающий силы фашистских ударных батальонов (200.000, по одним сведениям, и 400.000, по другим источникам), которые нынешним летом проходили лагерные сборы под покровом официального рейхсвера. Во главе всех этих сил стоит генерал Сект, подчинивший себе кроме того и штурцполицию, численностью до 135.000 чел. Возглавляя весь этот военный аппарат, численностью в несколько сот тысяч душ, генерал Сект начинает, в лице генерала Мюллера, наступление на Саксонию, предъявляя последние требования по разоружению пролетарских сотен. С другой стороны, Берлин пытался отозвать генерала Лоссова, на что баварское правительство ответило, что если центральное правительство будет настаивать на отзывании Лоссова, то оно потребует с своей стороны ни больше, ни меньше, как отзыва Гесслера. А этот последний является республиканским военным министром, — стало быть, Болгария не только дипломатически порвала с Саксонией, но начинает разговаривать с берлинской керенщиной столь властным тоном, что последняя поджала хвост и свое требование смены генерала Лоссова взяла обратно.

Такова обстановка. Она долго длиться не может. Либо будут разогнаны рабочие сотни, что означало бы сильный удар по гер-

манской революции (я не говорю: поражение), и чем, конечно, пролетарские силы Германии не были исчерпаны, но что означало бы, вне всякого сомнения, что в аванпостной стычке рабочие потерпели поражение. Либо генерал Мюллер, парализуемый своей тыловой керенщиной, не приведет в исполнение своих угроз, что было бы для революции превосходно после того, как он предъявил свой ультиматум; это подняло бы дух рабочих, и самое развитие революции приобрело бы более жизнерадостный, уверенный в себе характер. Либо генерал Мюллер двинет свой рейхсвер, — рабочие сотни не дадут себя разоружить, — тогда начнется гражданская война. Так или иначе, но нынешнее состояние Германии может держаться дни, может быть, недели, но вряд ли месяцы.

Я сейчас назвал основные силы врага: 100.000 рейхсвера, численность, которого установлена Версальским договором. Это — армия добровольческая, состоящая почти исключительно из крестьян, подвергающихся соответствующей обработке со стороны фашистского офицерства. Оружием генерала Секта является до известной степени и 135.000 полиции, главным образом укомплектованной городскими рабочими, за исключением Баварии и Юртемберга. Если в рейхсвере деревенская молодежь — на 95% холостяки, то в полиции — рабочие, в подавляющем проценте семейные, загнанные в полицию безработицей и другими обстоятельствами; в Пруссии — Бранденбурге — такая полицейская сила значительно укомплектована социал-демократическими рабочими и составляет гвардию прусского министра внутренних дел Зеверинга. Закон запрещает полицейским принадлежать к политическим партиям, но разрешает принадлежать к профсоюзу, так что эти полицейские сплошь и рядом являются членами свободных (социал-демократических) профессиональных союзов. По оценке компетентных людей, из этих полицейских одна треть будет, безусловно, драться против нас, преимущественно в аграрных областях, одна треть будет нейтральной, и около трети будет драться вместе с нами или помогать нам. Таким образом, полиция парализуется — в арифметическом подсчете; она вычеркивается, как самостоятельная сила. Конечно, это все зависит от политики, тактики и стратегии, которую мы развернем. Но самое главное — это не рассматривать рейхсвер и полицию, как что-то единое, монолитное. Такое представление в корне неправильно. У молодого германского коммуниста сплошь да рядом наблюдается, конечно, приблизительно такая же психология, как и у нашего молодого красноармейца. Когда он впервые попадает

в босую переделку, ему кажется, что его враг представляет собою что-то грозное, бесстрашное, такое мощное, что, навалившись, совершенно истребит, раздавит его, ибо он, бедняга Петров, из Пензенской губернии, слабенький человек, и у него кошки скребут на сердце... Здесь вот важным моментом подготовки Семенова, Петрова является такое воспитание их, чтобы они знали, что и враг их также человек, что и у него есть также душа и в ней «кошки»... И мы, научившиеся прекрасно достигать связи с массами, имеем в этом отношении все данные правильно разрешить эту задачу.

По отношению к рейхсверу, к полиции, конечно, обстановка несколько другая, тем не менее нельзя упускать из виду, что в рейхсвере 100 тысяч крестьянских парней, которые рассеяны по всей стране. В тех случаях, когда армии удастся устоять в революции, это объясняется обычно отчасти и тем, что армия себя чувствует компактной массой, она стоит полками, знает, что рядом с ней стоят другие полки, в ней есть уверенность, что об эту массу революция может разбиться. Но если армия разбита на разбросанные роты, батальоны, которые со всех сторон омываются волнами бурного революционного движения, где участвуют миллионы и миллионы пролетариев, мелкой буржуазии и крестьянской бедноты, то в этих условиях части армии будут себя чувствовать в высшей степени нетвердо, могут подвергаться панике, а революционная партия может им в этом отношении помочь (смех). Если в частях рейхсвера иметь хотя бы считанные единицы, которые изнутри скажут: «Ничего не поделаешь, клади, братцы, винтовку», то этим можно достигнуть решающих результатов. Но нужна подготовка, нужно учесть опыт предшествующих революций. А если считаться с рейхсвером, как с чем-то неприступным, и не пытаться его разложить изнутри, то дело плохо, ибо, если французы и обкарнали германскую армию до пределов, то оставили все же ровно столько механизмов массового убийства, чтобы можно было подавить восстание германского рабочего класса.

Остается фашистская армия, которая пользуется покровительством государства. Если она не узаконена, то не потому, что есть на свете не очень целомудренная германская социал-демократия, а потому, что есть Пуанкаре, который следит за тем, чтобы фашистская армия не выросла в большую силу. Аппарат командования отдельных фашистских единиц превосходит. Что касается боевого материала, то это буржуазные сынки, студенты, мелкие буржуа и даже часть рабочих люмпен-пролетарского типа. Полной

однородности в этих отрядах нет, и нет уверенности, что в решающий момент они поставят свою жизнь на карту. Поведение фашистских частей зависит от поведения рейхсвера. Фашистские батальоны входят из подполья в официальную организацию рейхсвера; у них одна и та же служба связи, общее командование, и их мобилизация будет производиться через аппарат рейхсвера. Если этот аппарат, т. е. официальная армия, сохранится целиком, как центральный аппарат, а это зависит от размера и размаха революции и от политики нашей партии, то это будет для нас огромнейшим минусом. Если бы революционерам удалось перебить позвоночник этой организации, тем самым фашистские батальоны превратятся в партизанские отряды и справиться с ними будет гораздо легче.

Конечно, требуется еще и другого рода подготовка. Сеть железных дорог Германии — инструмент исключительной мощности, она насчитывает более 60 тысяч километров. Если в решающий момент эта сеть окажется в руках фашизма, то тогда он сможет бросать в индустриальные районы отдельные отряды, сможет маневрировать. Совершенно очевидно, что это — вопрос исключительной важности.

Если бы железнодорожная сеть осталась в руках реакции в решающий момент, то последняя имела бы возможность получить поддержку из кулацких областей — Баварии, Восточной Пруссии и пр. Что у нас имеется против этого? Прежде всего — железнодорожный пролетариат, с полной возможностью применения стачек, забастовок на важнейших пунктах; подрыв железнодорожных мостов и т. д., для чего, очевидно, надо иметь хорошую контр-организацию революционной партии, иметь своих тайных комендантов на важнейших железнодорожных узлах. Я, конечно, не рисую того, что есть, ибо не знаю этого, говорю только то, что вытекает из всего опыта нашей собственной революции. Как делают немецкие товарищи, что они будут делать завтра, — мы с вами знать не можем, но вот что вытекает из нашего опыта и вот что мы делали бы, если бы нас снова поставили в такое положение, и нам пришлось бы снова завоевывать власть. Так как революции совершаются редко, и за шесть лет можно кое-что и позабыть, то я считаю необходимым напомнить настоящему совещанию, что в указанных случаях необходимо иметь прекрасно организованный контр-аппарат на железных дорогах, ибо, если в распоряжении революционных комендантов будут находиться твердые боевые

дружины, которые могут приостановить поезда для противодействия фашистским батальонам, то можно фашистский аппарат приостановить, парализовать. А так как основа за нас, ибо 15 — 20 миллионов германских рабочих в подавляющей массе своей будут в решающий момент за нас, то это, конечно, облегчает все остальные, в том числе и чисто военные, манипуляции, — облегчает, но не устраняет. Я должен сказать, что когда я в частной беседе с некоторыми русскими товарищами, наблюдавшими жизнь Германии месяца два—три тому назад, когда там положение было еще не столь зрелым, спрашивал, как обстоит дело в той или другой организационной области, и когда получал ответ: «не знаем, но думаем, что когда революция начнется, то это разрешится импровизацией», — я отвечал им, что революция много импровизирует, но импровизирует для тех, кто к ней серьезно, тщательно готовится, все подсчитывает и учитывает, но ни в коем случае революция не импровизирует для ротозеев. Я уже говорил, что если нам раз бабушка-история во многом помогла, то это не значит, что она снова будет ворожить в нашу пользу.

Для того, чтобы обеспечить революции военный успех, нужно желать этого во что бы то ни стало и активно стремиться к этому, сламывая по пути все препятствия. Найдется ли в германском рабочем классе необходимая воля для захвата власти, для борьбы и завоевания подавляющего большинства народных масс, для непосредственного прыжка на шею врага, чтобы опрокинуть его и взять власть? Этот переход всегда связан с величайшим внутренним кризисом для партии. Ибо одно дело завоевать влияние на массы, на рабочих, объединить их, увлечь за собой, и другое дело — сказать: «момент пришел, все силы надо сконцентрировать, дать сигнал к восстанию, все решительно поставить на карту», — для этого от партии требуется большая решимость, и здесь внутренние тормозящие настроения могут быть очень велики.

Вооруженного восстания в Германии еще нет, оно через порог занесло только одну ногу. Германская коммунистическая партия не имеет такого закала, который имела наша компартия в 1917 г., большого подпольного прошлого у нее не было, но опыт серьезных боев она уже имеет, ибо их ей пришлось провести не мало, хотя они и кончались в прошлом довольно серьезными поражениями. Сейчас германская коммунистическая партия имеет большое преимущество перед нами (в 1917 г.) в том отношении, что она опирается на наш опыт и имеет руководство Коминтерна, который в этом

руководстве пытается опять-таки нашим же опытом. Можно поэтому надеяться, что внутренние потрясения и трения в партии, которые неизбежны, когда революционная партия от агитации и пропаганды переходит к завоеванию власти, будут сведены к минимуму. Насколько можно судить по имеющимся у нас данным, по поведению германской коммунистической партии, опасность того, что она перед лицом развертывающихся событий спасует, просто говоря, сдрейфит, является минимальной, если не совершенно устраненной, но проверка в этом отношении может быть дана только событиями.

Вывод таков, что история вполне подготовила для Германии условия вооруженного восстания, и генерал Мюллер, по поручению истории, ускоряет этот процесс, развитие которого может пойти очень быстрым темпом уже в ближайший период. Шансы борьбы при правильной линии партии — на стороне пролетариата.

Я не называл вам числа вооруженных сил революции, по вполне понятным причинам, — во-первых, я их не знаю (смех), во-вторых, если бы случайно и знал, то не был бы уполномочен говорить. Но 15 миллионов индустриальных рабочих и 3—5 миллионов сельско-хозяйственных — способны выделить из себя достаточно вооруженных отрядов, чтобы справиться с противником. Предвидения, в общем, благоприятны, хотя, конечно, как и относительно войны, нельзя давать точных предсказаний. Война не есть арифметическое упражнение. Тем более это относится к революции. История требует, чтобы обе враждующие стороны испытали крепость своих лбов, и только через самую борьбу решается исход ее, а не каким-либо счетным, бухгалтерским путем. Вот почему можно оценивать ход развития, можно взвешивать шансы за и против, но никогда нельзя с математической уверенностью пророчествовать относительно исхода борьбы. Конечно, тут основные данные благоприятны.

Но германская революция не решится одним внутренним соотношением сил. Германия находится в капиталистическом окружении, и победоносной германской революции не выскочить из него. Это окружение, прежде всего: Франция, Бельгия, Англия по ту сторону канала, Польша и Чехо-Словакия. Это решающие государства. Есть еще Австрия, Швейцария, Голландия... Они активной роли играть не будут, но, конечно, если большие соседи решат вести политику удушения, то меньшие смогут помогать, держа конец веревки, и т. д. Но нам нужно отдать себе отчет в поведении

главных империалистических государств. Начнем с Англии. Я вчера говорил у металлистов об этом, и сейчас говорю, что Англия на континенте сейчас бессильна. Англия пред'явила нам ультиматум, мы сделали те или иные уступки не потому, что она могла нас разгромить, а потому, что мы были заинтересованы в налаживании хозяйственных отношений. Это бессилие Англии противоречит как-будто представлению о ней, как о чрезвычайно богатой стране, как о сильной морской державе, с ее биржей, с ее Сити, с ее морским флотом, хотя она имеет сейчас и в этом величайшего конкурента в лице Соединенных Штатов. Но Англия была сильна на континенте только постольку, поскольку в Европе боролись две, приблизительно равные по силе, сухопутные державы. Англия всегда поддерживала более слабую против более сильной. Если слабая выростала в более сильную, то Англия меняла свои симпатии. Тем, что Англия прибавляла свою гирьку на весы судеб Европы, она их решала. Непосредственно вмешавшись в войну 14 года, она этим сильнейшим образом нарушила свои традиции и бросила большую армию на континент, потому что Германия слишком уже переросла Францию. Вы знаете, что патриотические английские тред'юнионы держались всегда пацифистских идей, по крайней мере, на суше, ибо вожди их больше склонны жить за счет своего отечества, чем умирать за него (смех). Эти пацифисты лишь с большим трудом поддерживали свое правительство. Во время войны Англия помогла в войне Франции слишком энергично, и Франция оказалась гегемоном (хозяином положения) в Европе. Теперь, когда Англия пытается вмешиваться в европейские дела, Франция себе и в ус не дует. Это мы могли видеть на примере с Руром. Английская дипломатия сначала протестовала, а потом спасовала. Еще более паразитный случай, — это политика ее по отношению к Турции. Англия объявила Турцию врагом человеческого рода. И что же оказалось? Когда Турция (я имею в виду Ангору) стала подниматься на ноги, что могла сделать Англия? Она противопоставила ей Грецию. Турция разбила Грецию. В конце концов Англия ушла из Константинополя, а турки вошли в него. Бессилие Англии на континенте очевидно.

Разумеется, самым заклятым врагом германской революции будет именно великобританская буржуазия. Она уже не раз и раньше, например, в конце 18 и в начале 19 столетий, создавала коалицию против революции. Но руки коротки у Англии. Она — не сухопутная держава. Она может поддержать Францию, если

последняя станет на путь интервенции, блокируя немецкие порты, подвозя для оккупационных армий военные припасы и т. п. Но может ли Франция вмешаться? Это — основной вопрос. Что может вмешаться в той или другой форме, — это несомненно. Но в какой? Сейчас она оккупировала Рур и не собирается оттуда уходить. Германской революции придется с этим считаться, и будет безумием, если немецкий рабочий класс в своем вооруженном восстании пойдет против франко-бельгийской оккупационной армии Рура. Этим он нажил бы себе сильного врага, — много сильнее рейхсвера, и облегчил бы Пуанкаре дальнейшую интервенцию, ибо он оказался бы в этом случае как бы обороняющимся. Но мы полагаем, что германская коммунистическая партия на это не пойдет. Мы в свое время шли на величайшие уступки, когда немцы занимали Украину. Мы не трогали тогда Украины, мы предлагали англичанам, американцам оставить в их руках и Архангельск, и Дальний Восток. Революция часто приходится идти на уступки, но они не вечны. Были времена, когда нас сжали до пределов Московского кольца, но мы коленями, локтями раздвигали и раздвинули его достаточно. У немецких товарищей, надо полагать, локти и колени не хуже наших. Поэтому они могут мириться с тем, что Германия будет без Рура, потому что это будет лишь временно.

Не может ли, однако, Франция, несмотря на миролюбивую политику немецких рабочих, вмешаться в немецкую революцию с целью ее подавления? Это — вопрос столько же политический, сколько и военный. Что такое оккупация, — мы знаем хорошо. У нас их было не мало, и не только у нас, — за эти годы. Мы производили тщательный подсчет необходимых для оккупации сил, и вот что получили. Для того, чтобы оккупировать Германию с ее городами, с ее тесной сетью железных дорог, — и оккупировать серьезно и прочно, — надо не менее одного миллиона семисот тысяч солдат. На Украине оккупационные германские и австро-венгерские войска исчислялись в 200.000 солдат, при чем оккупация была лишь частичной, оккупированы были только города и важнейшие узлы железных дорог; самое сообщение по железным дорогам прерывалось партизанами, в деревнях царил партизанщина почти неограниченно; эта обстановка влияла на германских и на австро-венгерских солдат, которые возвращались потом на родину революционными полками. Для длительной оккупации, серьезной оккупации Германии (иначе незачем братья за авантюру) Франции нужна армия в 1.700.000 солдат, с перспективой того, что эти солдаты,

окруженные океаном революционных рабочих, чем дальше, тем все больше будут разлагаться. Разумеется, коммунисты германские и французские будут этому со своей стороны помогать, т. е. создавать в каждом полку коммунистические ячейки, создавать французские подпольные типографии, вести устную и письменную агитацию во французской армии, а оккупационная армия, посланная в революционную среду, представляет собою самый благоприятный материал для планомерной и настойчивой агитации.

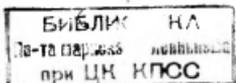
Правда, Франция не одна выступит: часть оккупационного бремени она может возложить на Бельгию, Польшу и Чехо-Словакию. Но поскольку мы можем судить о Чехо-Словакии, ее внутреннее состояние, соотношение классов таково, что, хотя она и вассальное государство Франции, тем не менее вряд ли пойдет на военную интервенцию и будет, во всяком случае, последней из стран, которая вступила бы на этот путь. Но даже если бы и Чехо-Словакия, и Польша поддержали интервенционистскую авантюру Франции, то самой Франции все-таки надо было бы двинуть не меньше миллиона солдат. Сейчас Франция имеет семисот-тысячную армию. Для осуществления интервенции ей надо, следовательно, мобилизовать еще около 300.000. Но численность армии определяется в значительной мере и внутренними задачами. И если сейчас Пуанкаре имеет 700.000 солдат, то они, очевидно, ему для чего-то нужны и внутри государства, а поэтому никак нельзя думать, чтобы Франция могла всю свою армию бросить на чужую территорию. Таким образом, Пуанкаре, в случае интервенции, для оккупации собственной страны, необходима армия, по крайней мере не меньшая, чем та, которую он имеет сейчас, то-есть 700.000 солдат: другими словами, ему нужно иметь армию в 1.700.000, то-есть, ему нужно произвести новую мобилизацию пяти, шести, а, может быть, и семи возрастов. А это во Франции более трудное и рискованное дело, чем в какой бы то ни было другой стране.

Число французского населения можно определить в 39 миллионов человек. В империалистическую войну французы потеряли убитыми полтора миллиона. Население Франции, как известно, не возрастает, а уменьшается. Уже до войны уменьшалось правильно, продолжает уменьшаться и теперь. Во Франции нет ни одной семьи, где бы муж, брат, сын не погиб во время войны, где бы не было калек-инвалидов. Что означает в таких условиях мобилизация, — понять не трудно.

У нас мобилизован один возраст, — и готов миллион душ. Наша страна громаднейшая, населения у нас совершенно достаточно для самых больших предприятий (смех), и, если говорить совершенно серьезно, то нам, при нашей тяжеловесной крестьянской массе, призвать людей легче, чем мобилизовать лошадей и повозки (это вы знаете), ибо тут вопрос касается самой основы крестьянского хозяйства; сын же уйдет, — рабочей силы все-таки останется достаточно. Во Франции картина совсем другая. Там мобилизация и новая война означают риск потерять последние остатки зрелого мужского населения. Уже сейчас мужского населения во Франции недостает, сейчас во Франции, в качестве рабочих, работают итальянцы, бежавшие от фашизма, испанцы, бежавшие от своего фашизма, поляки и чехо-словаки. Их мобилизовать нельзя, — они иностранцы, надо взять французов, а французы — и работник, и работница, и крестьянка, — этого не хотят. И лишь с содроганием могут думать политики Франции о том, что им, может быть, придется мобилизовать несколько новых возрастов и бросить 1.000.000 солдат на германскую территорию с перспективой их разложения. Господствующие классы Франции десять раз подумают, прежде чем на это решатся. Я не хочу сказать, что это исключено. Когда господствующему классу грозит опасность, то нет дерзости, безумия, на которое он бы не решился. Но господствующий класс десять раз подумает, прежде чем решить, а десять раз подумает, — это значит и даст передышку. А что такое передышка, — мы знаем: несколько месяцев передышки могут спасти революцию.

ГЕРМАНСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ПОЛЬША.

Как обстоит дело с Польшей? Тут я подхожу к вопросу, который для нас имеет решающее значение, который в нашей агитационной работе внутри армии определит судьбу нашей армии, ее боеспособность и поведение в тех событиях, которые развернулись, и в тех опасностях, которые не исключены. Прежде всего, я должен повторить то, что я сказал на губернском съезде металлистов: было бы величайшей опасностью и бедствием, если бы в революционных элементах рабочего класса, прежде всего в нашей собственной партии, укоренилось убеждение, что с Польшей война неизбежна, что немецкая революция равносильна войне между нами и Польшей. Такие ноты проскальзывают иногда и в агитации, и в известных

революциях. За шесть лет мы ужасно набили руки писать резолюции и всегда всякая резолюция у нас бывает революционная: «поддержим революционной рукой... до последней капли крови... да здравствует Коммунистический Интернационал...». Поддержать, конечно, надо, и Коминтерн, конечно, пусть здравствует; если придется, и кровь проливать будем, но все—во благовремени... А по отношению к Польше есть величайшая опасность того, что можно в смысле политической агитации соскользнуть с зарубки. Коммунистический авангард может уйти вперед, не оглядываясь назад, а резервы могут за нами не поспеть, как это было во время севастопольской кампании, согласно песни, сочиненной в честь генерала Реада. Эта опасность столь же политическая, как и военная. Я грубо могу формулировать свою мысль так: выступив на собрании сельского совета агитатор на митинге скажет: «Германскую революцию мы должны поддерживать до последней капли крови. Давай, братцы, лошадей». Я боюсь, что такого рода агитация даст не вполне удовлетворительные результаты... Этот вопрос, товарищи, которому я придал только что ироническую формулировку, для нас — вопрос жизни и смерти.

Нам нужно наши взаимоотношения с Польшей продумать гораздо более конкретным и деловым образом. Перспективы необходимо продумать очень реально, потом побудить широкие народные массы продумать эти отношения и перспективы вместе с нами. Прежде всего: как может возникнуть война между нами и Польшей? С точки зрения революционно-обывательской дело обстоит как-будто очень просто. В Германии революция, — чего тут думать: «даешь Варшаву!» Такая постановка абсолютно ложна. Во-первых, германская революция еще не победила, во-вторых недостаточно сказать «даешь Варшаву», чтобы взять оную (смех). У нас есть опыт на этот счет. Каким же образом может возникнуть война, если поставить вопрос серьезно, если отбросить легкомысленную постановку, которая исходит из абстракции. Из чего же может возникнуть война?

Если бы Польша пошла на оккупацию Германии, то это бы означало чрезвычайную опасность и для нас. Но Польша могла бы пойти на такое дело не одна, а только вместе с Францией, с Бельгией и др. союзниками. Если бы господствующим классам Европы удалось создать большую коалицию для разгрома германской революции, то они поставили бы себе, несомненно, задачей истребить на этот раз революцию в корне и, следовательно, уничтожить наш

социалистический советский союз. Тогда встала бы задача нашей борьбы за существование, борьбы не на жизнь, а на смерть. Такое положение было бы ясно для самого темного крестьянина. Если же оставить в стороне возможность великой империалистической коалиции,—а ее шансы в ближайшее время не так уж велики,—то какова может быть роль Польши в случае победы германской революции? Что же, скажет Польша: «даешь Москву или Киев»? Вряд ли. Скажет ли она: «даешь Берлин»? Тоже вряд ли. Не исключена политика захвата кое-чего из того, что плохо лежит,—это международная черта всех господствующих классов (смех). Это не значит, конечно, что мы согласны с этой чертой мириться. Но совершенно очевидно, что даже удачная попытка захватить Данциг еще не решает судьбы германской революции, и из-за этого вряд ли мы или Польша пошли бы на войну при отсутствии других, более серьезных причин.

МОСТ ИЛИ БАРЬЕР?

Но есть другой вопрос, который непосредственно гораздо теснее, жизненнее и конкретнее связан с судьбой германской революции и с нашей хозяйственной судьбой. Это вопрос о прокормлении германской революции. У саксонцев, у берлинцев нет хлеба. Именно поэтому и предсказывают гибель революции. Нам предсказывали гибель, потому что у нас аграрная страна и нет промышленности. Немцам предсказывают гибель по диаметрально противоположным причинам. Опасность во всяком случае есть. Без хлеба никакая революция прожить не может. И вовсе немецкому рабочему не нужно, чтобы, в случае победы его в Берлине, наши красивые полки двинулись на Варшаву. Внутренними силами немецкий рабочий победит, и только в том случае германская революция будет прочна, если внутреннего врага она победит внутренними силами. И потому немецкий пролетариат заинтересован в том, чтобы вокруг его границы господствовал мир. Новая европейская война могла бы похоронить под своими обломками германскую революцию. Вопрос сохранения мира в Европе есть вопрос самосохранения для европейской революции и для нашего союза в частности. Хлеб нужен германскому рабочему, а у нас этого хлеба слишком довольно, так что низкие цены на него бьют по нашему крестьянину. Только таким образом, т. е. путем вывоза хлеба, можно одну половину нежниц поднять до нормали, а другая половина должна опускаться за

счет поднятия промышленности и понижения цен на ее продукты. Экспорт хлеба означает вывоз его сухопутным или морским путем. Морской путь может оказаться в случае блокады отрезанным, следовательно, остается единственный выход на иностранный хлебный рынок—сухопутным путем, т. е. через Польшу. Германскому пролетариату нужен хлеб, получить он его может только от нас. Здесь мы подходим к действительной солидарности, которая опирается на полное тождество интересов наших рабочих и крестьян и германской революции. Мы должны так ставить вопрос и в армии.

Нам нужно, прежде всего, показывать карту, товарищи, надо это делать ежедневно. Вот это пятно—есть Германия. Вот это—Советский союз Между ними вклинилась Польша. Вот железные дороги, по которым мы можем вывозить хлеб за границу. Эта карта должна проникнуть в сознание красноармейца, без этого ваша агитация будет, извините за выражение,—болтология. Если мы не сможем дать Германии хлеба, то задохнется германская революция и задохнется наш Союз. Это поймет каждый крестьянин Пензенской губ. Другой дороги кроме Польши нет, сюда вывод ясен. Это—база нашей агитационной работы в Красной армии. Дело идет сейчас не о принципе международной солидарности, т. е. не об абстракции, которую если не наполнить конкретными данными, исходящими из современной обстановки, то ничего не получится. Надо добиться того, чтобы связь наших основных интересов с основными интересами трудового германского народа стала ясной, понятной, осязательной для каждого красноармейца. Когда мы вели переговоры в Риге с Польшей, мы отстаивали наш непосредственный стык с Восточной Пруссией, но Польша не согласилась, хотя и при этом оставался бы еще польский коридор. Польша между нами и Германией. Чем же будет Польша, мостом или барьером? Мы не требуем от польского правительства, чтобы оно было проводником нашей политики, как и мы не собираемся проводить политику польской буржуазии. Мы требуем свободного транзита, оплачивая каждую версту чистоганом. Без этого — нам крышка. Если крестьяне поймут, что вместе с тем и германской революции крышка, то это будет очень хорошо; во всяком случае, наша агитация должна исходить из того, что если мы не сможем вывозить хлеб в Германию, взамен которого будем получать продукты промышленности, то у нас получится хлебное удушье, от которого мы можем погибнуть. Значит, весь вопрос в том, будет ли Польша мостом или барьером.

Польские шовинисты указывают на то, что, дескать, «мы не хотим попасть в русско-германские щипцы». Это ходкая фраза в Польше—«русско-германские щипцы». Как будто бы факт щипцов находится в зависимости от нашей злой воли. Это—география, и тут ничего не попишешь. Народы не могут менять квартир по своему произволу. В каком случае Польша может быть для нас мостом к немцам? В том, если она, решительно отказавшись от мысли играть роль барьера, сказала бы нам ясно и отчетливо: «я обеспечу вам мост, платите чистоганом». Разлюбое дело, прекрасный выход. Но транзит предполагает, разумеется, отсутствие войны. Нельзя провозить хлеб через Польшу, если Польша воеет с нами или воеет с Германией,—тогда нет стыка железных дорог, тогда нет провоза, тогда нет транзита. Транзит предполагает, что ни мы, ни Польша не намереваемся воевать, что мы и Польша обязуемся не вмешиваться в германскую вооруженную борьбу. Без этого обязательства пензенский урожай хлеба не дойдет до германского рынка, как и продукция германской промышленности—до пензенского мужика. Это вытекает одно из другого. Это—реальная программа, понятная каждому. Мы боремся за мир вокруг германской революции. Германская революция со своими внутренними врагами справится собственными силами. Германского рабочего мы будем кормить хлебом не даром, а в обмен на продукты его промышленности, на машины, которые будут доставляться к нам через Польшу по договору, заключенному с Польшей. Мы приложим все силы к тому, чтобы договор этот был. Заключить его—дело нашей дипломатии, и дипломатию свою на этом пути мы поддержим до конца. Если транзит будет обеспечен, то обе стороны тем самым обязуются не воевать друг с другом и не мешать Германии.

Вот наша программа политико-воспитательной работы в армии на ближайшее время. Это обеспечивает от опасности срыва с зарубки, а иначе получилось бы так, что авангард летит вперед, а резервы не поспевают. Не только крестьянин, но и рабочий не понимают сплошь да рядом того, что имеют в виду, когда говорят им о поддержке немецкой революции. Крестьянин и рабочий хотят мира, и это стремление их к миру советское правительство кладет в основу своей политики.

Но это, товарищи, ни в коем случае не значит, что мы не должны готовиться к войне. Всякий поймет, что обстановка не такова, чтобы мы, проводя добросовестно мирную политику, могли

быть вполне уверены, что все наши партнеры будут петь с нами в униссон. Это еще не доказано.

Есть ли опасность войны? Я начал с того, что война и революция, революция и война идут нередко рядом. Германская революция будет довольно большим камнем, упавшим в воду европейских отношений. Эта вода и так не спокойна, но если германская скала обрушится, то волны по Европе пойдут величайшие. равновесие будет нарушено, многое будет выбито из колеи и опасность новых потрясений будет очень большая. Это скажется на настроении буржуазных классов, в частности и тех, чьей реальностью является Варшава. Опасность войны есть.

Однако, сколько шансов за войну? Если бы была на свете такая бухгалтерия, которая могла бы подсчитать, сколько шансов за мир и сколько за войну, то я склонен к той цифре, что за мир есть, по крайней мере, 51%, а за войну никак не более 49% (по самой пессимистической оценке. Но если бы за войну было всего только 10%, то и тогда мы должны были бы готовиться на 100%, ибо если бы мы неподготовленными попали под действие войны, исходя из 10% ее возможности, то были бы разбиты полностью на 100%. Поэтому наша подготовка к войне во всяком случае должна идти полным ходом.

НАШИ ЗАДАЧИ.

Эта подготовка не предполагает каких-либо скачков, а означает, прежде всего, улучшение, уточнение всей той работы, которую мы вели до сих пор. Разумеется, это связано с тем, что государство будет вынуждено отпускать на армию и флот больше ресурсов, чем до сих пор. Возможности работы военно-технической, военно-промышленной и военно-политической станут шире, число работников несомненно возрастет, военно-политический аппарат окрепнет, укрепитя, но вместе с тем и самая работа должна получить и другой темп, отвечающий тому периоду, в который мы вступаем. Всем нам надо как следует быть подтянутыми!

Из новых задач—их не так много—самой важной является развитие нашей территориальной системы. Вы с этой задачей знакомы достаточно хорошо. Об этом вопросе в порядке дня нашего совещания будет особая речь. Мы, несомненно, с введением этой системы вписали важную и содержательную главу в развитие нашей Красной армии. Перед сборами территориальных дивизий

было очень много сомнений: выйдет ли, удастся ли нам в революционную эпоху перейти на милиционную систему? Мы сделали опыт, и сбор десяти дивизий прошел хорошо, что означает, что социально-политические предпосылки в общем и целом оказались у нас благоприятны. Во-вторых, военный аппарат, при содействии советского аппарата, с теми задачами, которые стояли перед нами в области территориальных формирований, в общем и целом справился. Прорехи, конечно, есть, но надо подвести итог и в дальнейшем их исправить. Этот опыт мы расширяем. Не меньше двадцати новых территориальных дивизий мы предполагаем провести через сборы переменного состава. Опыт, повторяю, исключительной важности и для наших мобилизационных задач—здесь своя рука владыка, ибо мы можем кадры территориальных дивизий помещать как удобнее, районирование производить в соответствии с планами развертывания и стратегическими планами. А поэтому политическая, воспитательная работа в районах комплектования территориальных дивизий является одной из наших важнейших задач. Это относится в первую голову, острее всего к украинским дивизиям, ибо там предстоит опыт создания территориальных дивизий на правом берегу. Вы все понимаете, насколько это заманчиво с точки зрения военной, насколько это сократит работу по сосредоточению войск, но, с другой стороны, принимая во внимание особый состав населения на правом берегу, необходимо с политической стороны подковать себя всемерно. Конечно, это же относится и к территориальным дивизиям во всех частях страны.

Поскольку мы наш опыт расширяем, придавая ему крупнейшее значение, постольку поднимается во весь рост вопрос о классовом существовании территориальных дивизий. Вы знаете, что Жорес—французский социалист, убитый накануне войны—написал книгу о милиционной армии, организуемой, по его предположению, на демократических началах и имеющей исключительно оборонительный характер. Мы, строя территориальные дивизии, во многом идем по пути, который изложил Жорес в этой своей книге «О новой армии», но в политическом отношении между нами пропасть: мы строим милиционные дивизии не демократические, а классовые, хотя на Украине и на 70% крестьянские, но под руководством рабочего класса. И так как сейчас мы живем в условиях НЭПа, кулак начинает поднимать голову, капитал сосредоточивается в торговле, и торгаш начинает играть все большую и большую роль и в деревне, и в городе, ибо не надо забывать, что низшие

звенья в руках торгового капитала, и он весьма и весьма обрастает жирком,—то перед нами во весь рост стоит вопрос об однородности нашей армии и решение его зависит от того, насколько правильно нам удастся на глазах у красноармейца произвести чистку, фильтрацию армии и от торгашей и от кулаков. Как строжайший закон надо подтвердить: торгашам и кулакам в территориальных дивизиях, как и во всей Красной армии, места нет. Это особенно важно потому, что и кулак и торгаш стремится туда, хочет попасть в них, потому что это для него паспорт политической благонадежности. Иметь официальный волчий билет кулака—не такая уж большая привилегия; он стремится в территориальную дивизию, выдавая себя патриотом своего отечества, он хочет добиться гражданской легализации через военный аппарат. Но мы ему этой легализации не дадим. Эту задачу должны выполнить военные работники, которые сообща с местными партийными работниками ответственны за комплектование территориальных дивизий.

В отношении наших полевых дивизий стоит вопрос об установлении такого режима, который отвечал бы объему надвигающейся опасности. Надо, чтобы из всей воспитательной работы, из всей пропаганды явственно вытекало понимание того, что начинаются времена более суровые и ответственные; необходимо, чтобы сознание это пропитало и командный состав, и комиссарский, и политсостав, и каждого красноармейца, и чтобы снят был с очереди дня вопрос о неявках, уклонениях, самовольных отлучках и прямом дезертирстве. Я не говорю, что мы начнем с голого административного нажима по этим линиям. Нет, прежде всего нужна морально-политическая подготовка, нужно создание сплоченного общественного мнения.

Все, что я говорю, относится, конечно, и к Красному флоту, ибо обстоятельства могут сложиться так, что Красному флоту придется играть не малую роль в надвигающихся событиях, если они навяжут нам оборону Советского Союза с оружием в руках. Конечно, вы не потребуете от меня здесь развития этой мысли. Но из всех наших планов вытекает тот вывод, что на флот может, при известных условиях, лечь очень ответственная работа. Это вытекает из географии наших морей. Пусть же товарищи-моряки удвоят усилия на пути дальнейших успехов.

Надо, чтобы общественное мнение армии и флота поняло, на основе оценки всей обстановки, что времена подходят суровые и что ответственность каждого из нас увеличивается во много

раз, и в этой обстановке неявка, самовольная отлучка, дезертирство приобретают большое значение. Сборы прошли в общем, как сказано, хорошо. Но имеются и такие факты, правда, совершенно исключительные:—пополнения, например, в Бессарабскую дивизию, приходившие из Полтавщины, дали на 50% дезертиров, которые, кажется, даже организовывали банды. Явка в территориальные дивизии равнялась 98%. Хорошо это? Прекрасно. Но 2% не хватает, и это нарывчик, который может стать нарывом. Вы знаете, что во время войны шли из Воронежской губернии в армию письма, что вот, дескать, Петька сидит дома—и ничего. Вы знаете, какие это иногда вызывало последствия. Я хочу указать, что если нет ясного и отчетливого режима по этой части, то эти 2% неявившихся могут вызвать распатку далее и далее и поколебать всю организацию. Нам поэтому необходимо обратить сугубое внимание на крепость армии с этой стороны. Неявка должна считаться тяжким преступлением, которое влечет за собой определенную кару. Разумеется, успех по этой линии мыслим только параллельно с внутренним сплочением армии. В общем у нас в этой области обстоит сравнительно благополучно, но товарищескую спайку красноармейца, командира, комиссара надо, в виду всей обстановки, поднять на большую, чем прежде, высоту. Всякие неправомерные действия, неправильности, невнимание к красноармейцу и его нуждам надо изгонять и искоренять. То, что является в бытовом отношении и на первый взгляд кажется второстепенными мелочами отрицательного характера, сейчас становится десятикратным преступлением. С чванством, грубостью, формализмом необходима систематическая борьба, чтобы заблаговременно спаять и скрепить армию.

Возвращаясь к неявке. В докладе украинских товарищей я нашел еще следующее место, в высшей степени тревожное, хотя то, о чем здесь говорится, является, конечно, исключением. «Надо отметить, что политсостав старался отделаться от работы в частях...» и пр. Здесь необходимо привлечь внимание ЦК и парткомов. Если бы вредный пример пошел отсюда, то это грозило бы большими бедствиями, и тогда говорить о сплоченности в армии не приходилось бы совершенно. Такие явления исчезнут, как только партия, до самых глубоких низов своих, отдаст себе отчет в серьезности и ответственности обстановки.

Огромное значение приобретает сейчас национальный момент. Поскольку мы сейчас переходим в более широком масштабе

к территориальным частям, которые непосредственно связаны с местным населением, постольку национальный момент и национальный язык получают повышенное значение. Во многих местах делались попытки перевода политбесед на национальный язык. Надо это приветствовать, надо удесятерить усилия в этой области. Нельзя допускать того, чтобы вопросы политики были затруднены, во-первых, потому, что они сами по себе трудны и, во-вторых, потому, что они преподносятся на незнакомом языке.

Не меньшее значение получает вопрос о молодежи, об отношениях к нашим комсомольцам. Для поднятия чувства ответственности, как нашей по отношению к молодежи, так и самой молодежи по отношению к революции, в частности для поднятия значения допризывной подготовки, как единственной серьезной основы будущей нашей территориально-милиционной армии,—необходима большая связь наших военно-политических органов с комсомолом. Вчера происходил пленум ЦК Союза молодежи, где обсуждали вопросы, связанные с военной работой. Один из товарищей поставил вопрос—не нужно ли пересмотреть положение о ячеек комсомола в армии. Я ответил на это категорически отрицательно. Это не вытекает из обстановки. Наоборот, чем острее становится международная обстановка, тем менее допустимо умножение организаций внутри армии. Мы имеем партийные организации, которые сложнейшими путями сочетаются с военными, во главе тех и других стоят испытанные старые работники, обладающие опытом. Если бы мы создали еще новую организацию в виде комсомольской, то это могло бы привести к очень нежелательным трениям и затруднениям. Если мы вынуждены отказаться от этого, то мы должны зато удвоить внимание к тем комсомольцам, которые входят в части Красной армии, чтобы они не потеряли своего комсомольского облика, чтобы мы могли воспитывать из них завтрашних членов партии.

Разумеется, вопрос товарищеской сплоченности, внимание к быту, внимание к личности и уважение к ней связаны с трезвостью в армии. И это очень важный вопрос—борьба с самогоном. Там, где самогон разлитым морем разливается, там лагерные сборы проходят хуже, там и по части тердивизий дело обстоит не гладко. Поэтому необходима беспощадная борьба с самогоном. И чем серьезнее обстановка, тем суровее должна быть эта борьба.

Нам нужно постараться увеличить количество коммунистов-бойцов в частях. На том же пленуме ЦК молодежи меня спросили,

нельзя ли дать такого лозунга, чтобы комсомольцы шли в бойцы. Конечно, такого лозунга дать нельзя. Без политруков мы жить не можем. Надо подсчитывать, кто пойдет в бойцы, а кто в политруки. Но создание в армии непоколебимого ядра может быть достигнуто лишь в том случае, если мы повысим процент коммунистов со штыком.

Вот в основных чертах задачи внутренней работы в армии. Параллельно должна пойти и пойдет более усиленная работа в области военной промышленности, потому что наша боеспособность будет определяться на 50% нашими успехами в области военной промышленности.

Я возвращаюсь к вопросу, которому посвятил большую часть своего доклада, именно к вопросу о моральной подготовке армии, флота и всего населения, ибо одно с другим неразрывно связано. Вы знаете, как прошедшие территориальные сборы будоражили народ и как благотворно во многих местах они на него воздействовали. Поэтому, метод воспитания Красной армии, который мы усвоим в этот момент, будет в значительной степени и методом воспитания широких масс и исходить он будет из конкретного делового освещения вопроса и основательного движения вперед шаг за шагом. Я еще раз постараюсь формулировать опасность. Мы слишком много знаем, а наши слушатели часто слишком мало знают. Мы все оценки развертывающихся событий—связь между войной и германской революцией, перспективы ее—крепко вложили в свои головы, все это глубоко у нас осело в уме и поэтому, когда мы налагаем вопрос, то, забывая о слушателе, скачем через пятое на десятое, а у слушателя создается такое впечатление, будто он через частое сито смотрит в дождливый день, видит, что-то там маячит, а не разберет, что именно. Мы пишем хорошо и революционно: «и кровь прольем» и «поддержим» и прочее, а в голове-то слушателя резолюция не оседает. Правда, резолюцию принимают, голосуют за нее, но часто лишь доверяя нам авансом, а иногда по безразличию,—что хуже.

Что нам надо? Нам надо, чтобы у слушателя в сознании образовались зарубки, по которым бы он, как по лестнице, поднялся со ступеньки на ступеньку, чтобы он помнил сегодня то, что ему говорилось вчера. Поэтому-то я и обращал ваше внимание на карту. Внимание слушателя надо приковать к карте, пусть он указывает, называет,—вот Россия, вот Германия, вот Польша, вот где хлеб идет. Надо возбудить его, заставить его изо дня в день, ибо

обстановка изменяется, следить за событиями; необходимо, чтобы он был втянут в ход событий, а не пытался бы только отвлеченными декларациями о немецкой революции вообще, о долге, о Коминтерне и т. д. Обстановка меняется со дня на день; и в чем собственно состоит идейная жизнь сознательного человека, как не в том, что он изо дня в день следит за этим движением, отдает себе отчет в том, что совершилось, строит предположения, ожидает следующего дня, новых событий, проверяет свои предположения, находит подтверждения им или опровержения. Его сознание, мысль чего-то ожидают, к чему-то готовятся, и он становится в общем сознательным человеком. Уровень у сознательных людей бывает разный: у Маркса—один, а у молодого пензенского крестьянина—другой. Но нужно, чтобы и последний был активно мыслящим гражданином. Надо так к нему подходить, чтобы он проработал все своей головой, продвигался вперед изо дня в день, чтобы каждое новое событие он получал в конкретном освещении и знал бы главную суть политики наших соседей, суть развертывающихся событий. Нельзя один-два месяца держать армию в неведении, а затем сразу давать целую гору фактов. Надо вести агитацию так, чтобы мозг крестьянина органически всосал в себя известные факты и отношения,—тогда он будет работать в правильном направлении. А для того, чтобы достигнуть этого, надо, прежде всего, беспощадно изгонять в освещении фактов и агитации ту казенщину, которая у нас часто наблюдается и иной раз чрезвычайно отвратительно напоминает старую казенщину с ее условной терминологией, с ее «коль славен» и «боже, царя храни». Мы—революционная партия, революционный класс, революционное государство, и лживой казенщины ни в каком случае не сможем допускать. О наличии этой казенщины у нас я отдал себе особенно ясный отчет минувшим летом. На мою долю выпала привилегия несколько месяцев прохворать. Находясь на излечении на Кавказе, я прочитал целый ряд исторических очерков наших частей. У нас вышло за последние два года много сборников, посвященных полкам, дивизиям и армиям,—факт превосходный, что мы оглядываемся на свое прошлое, подводим итоги,—но и казенщины там хоть отбавляй. В чем она выражается? Будем говорить грубо: в условной патетической лжи, фальшивой романтике. Выходит так что, что ни дивизия, что ни полк, то прямо идеал: как родился, как пуговину отрезали, так сразу богатырем по лицу земли и пошел, а где была неустойка, то дело ясное, объясняется тем, что

врага было видимо-невидимо, а нас только горсточка одна. Товарищи, этого нельзя! Это не с руки нам! Для царской армии это годилось, а нам не с руки. Это — вреднейшая вещь. Слава Красной армии в этих искусственных приемах не нуждается, а наш молодой красноармейский и командный состав лживая казенщина может только разложить. Я говорю не с точки зрения моралиста какого-нибудь, не с точки зрения Канта с его «категорическим императивом» — обязанностью говорить всегда и везде правду (я хотел бы посмотреть, кто живет на земле по этому императиву) (смех); я говорю и не с точки зрения будущего гармонического общества, в котором, конечно, все будет правдиво, не будет условий, создающих ложь (страха, ненависти, вражды). Я говорю о том, что есть сегодня, что происходит у нас на глазах. И ложь, и хитрость, и подковырка, и ловкачество, и предательство, — все это факты и приемы, неразрывно связанные с классовым строением общества и его внутренней борьбой. Да и в самом деле, как можно победить врага, не обманывая его? Что такое военная маскировка, как не ложь, выраженная в красках, фигурах, образах? Заниматься отвлеченной проповедью правдивости мы с большой охотой представим понам и английским политикам, самым лживым на свете. Мы можем освободить себя от этой казенщины. Но если мы можем обманывать врага, обманывать где можно и как можно лучше, то мы ни в каком случае не можем обманывать себя самих. А казенщина есть самообман, кора, фальшивых слов, выражений, обрядностей, которые постепенно накаплиются и которые в наизидание передаются новому красноармейскому составу. А отсюда вред величайший. Из всех пропитанных казенным романтизмом исторических очерков вытекает одно, что все полки состояли из героев, все действия героические. Одно из двух. Или молодой товарищ, если он умен, не поверит. Тогда он не поверит и в другой раз, когда мы будем говорить правду ему, тогда он вообще проникнется недоверием к идеологии Красной армии. Другая группа отнесется ко всей этой казенной романтике, как к чему-то, что к ней не относится. Наконец, третья группа искренне и наивно поверит, а когда попадет в первую перепапку под огнем, и если приключится с молодым командиром медвежья болезнь (ничего не поделаешь, и с лучшими людьми это бывает), он скажет себе: я дрянь, совсем не похож на тех настоящих героев, о которых я читал в книжках. У него под влиянием казенной романтики создается фальшивое представление о действительности, кото-

рое, в конце концов, может убить его веру в себя, а без этого нет воина, тем более нет командира.

Иное совсем будет дело, если дать жизненные, правдивые представления о прошлом полков, о неустойках, о нехватках, о случаях паники. Тогда новичок, попавший под огонь в тяжелую передрагу, если и смутится, если и дрогнет у него сердце, не растеряется, а, имея понятие о боевой жизни, сделает усилие воли, чтобы это нехорошее чувство преодолеть. Нам самообман не нужен, как воспитательное средство.

Казенный самообман имеет и дальнейшие тяжкие последствия, разлагающие армию. Там, где завелась казенщина, она, как ржавчина, раз'едает армию во всех направлениях. Казенщина выражается, например, в ложных донесениях. Этим страдала армия в гражданскую войну и от этого нам надо избавиться во что бы то ни стало. Ложные донесения вытекают из чувства ложного стыда и ложного казенного самолюбия, из потребности представить свою ошибку в причесанном виде. Конечно, ложь этой самой казенщины в донесениях не всегда бывает на 100%, она чаще всего измеряется так на 15%, или 33% или, в крайнем случае, на 50%. Эти донесения идут снизу вверх и сосредоточиваются у старшего командования. Гримировщики и маскировщики сидят на разных ступенях командной иерархии. Получается так, что когда через эти этапы проходят донесения, то в штабе дивизии или армии получается уже картина, весьма отличная от действительности. Вопрос о правдивости донесения есть один из важнейших вопросов воспитания воина, повышения в нем чувства ответственности. Правдивость донесения есть предпосылка правильности распоряжений и приказов, ибо нужно хорошо представлять себе, что есть на деле, чтобы решить, что делать далее. Повторяю, это вопрос исключительной важности, и задача, вытекающая отсюда, может быть разрешена лишь в том случае, если мы обявим войну казенщине во всех направлениях.

Армия должна быть самостоятельным организмом, критически мыслящим и оценивающим обстановку. Это вовсе не исключает дисциплины; наоборот, подлинно революционная суровая дисциплина может опираться лишь на критическую мысль всей армии. Если армия отталкивает от себя всякую казенщину, ложь, условность; если эта армия не подмахивает на митингах резолюции, а формулирует свое мнение потому, что отдала себе отчет в обстановке, если мы так поведем работу, повышая внутреннюю спайку,

товарищеский дух и критику, которая прекрасно сочетается со строгой дисциплиной, то мы не только поднимем нашу армию на более высокую ступень, но вместе с армией втянем в сознательную политическую жизнь и тяжеловесные массы крестьянства. По-больше конкретности, ясности, деловитости во всей нашей политико-воспитательной работе. Руководящей ее идеей будет по-прежнему борьба за мир, но в новой обстановке, созданной германской революцией. Не преувеличивать, не забегать вперед, а идти в ногу с событиями. Мы будем проводить политику требований транзита и невмешательства. В случае, если, тем не менее, на нас будет обрушена необходимость воевать, то этот факт, будет воспринят самими отсталыми крестьянами, как результат объективной обстановки, от которой не уйдешь. Мы делали все усилия, чтобы сохранить мир, и тем не менее война на нас обрушилась,—значит, надо обороняться до конца. Надо вести в армии методическую работу без казенщины, подготавливая общественное мнение бойцов ко всем возможностям и трудностям. Это—наша основная задача, и если мы ее выполним, то в случае, если на нас обрушится война, мы с вами будем драться так, как никогда еще не дрались! (Аплодисменты).

ИЗ ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО СЛОВА.

Товарищи, чтобы не забыть, я хотел остановиться на одной детали, на формальном вопросе, который может показаться даже вопросиком, но который имеет свое значение. Это—название наших территориальных дивизий. Мы называем их то милиционными, то территориальными. Слово—милиционные—не годится потому, что милицией называется у нас полиция. И это крестьянин знает и рабочий знает. А тут воинская часть. «Территориальная дивизия» — надо подарить крестьянину энциклопедический словарь, чтобы он знал, что это значит, и то он не выговорит этого, и это слово не будет популярным. Что означает «территориальная дивизия»? Некоторые товарищи в припадке отчаяния говорят: не называть никак, просто—дивизия. Это очень заманчиво называть ее просто дивизией, как и всякую другую полевую дивизию. Но беда в том, что она отличается от полевой дивизии, и всякий человек заметит, что она отличается чем-то от полевой дивизии, и по способу укомплектования, и по структуре, по всему решительно отличается. Стало-быть, всякий заинтересованный как-нибудь захочет ее назвать. Как же ее назвать? Есть одно старое скомпро-

метированное название, которое я предлагал, но которое встречает отпор. Я хотел бы иметь вашу поддержку. Это—ополчение. Я уже вижу, как некоторые покачивают отрицательно головами. Конечно, это пока, товарищи, только скромное предложение, которое я никому не навязываю, а просил бы в комиссии или в другом порядке обсудить и взвесить. Какое-нибудь название в конце концов нам нужно. «Ополчение», «ополченская дивизия», «красное ополчение»—по моему звучит не плохо. Традиции плохи. У солдат старой армии это сейчас же вызывает плохие ассоциации, плохие воспоминания; у молодняка этого не будет. А если взять слово «ополчение», то по моему это—великолепное слово: во-первых, не иностранное, как «милиционная», «территориальная», а настоящее русское слово. Откуда оно происходит: «ополчаться против врага», слово «полк», «ополчить крестьян», «превратить их в полк», «ополчить рабочих», «ополчить против врага»,—чего лучше, великолепнейшее слово. Я думаю, что это может хорошо привиться. Старое ополчение было совсем другого рода. На том ставится крест. А это—красное ополчение, рабоче-крестьянское, революционное. Взвесьте, пожалуйста, товарищи, может быть я найду в вас в этом поддержку. А сейчас эти дивизии ходят неприкаянные, без имени.

«А что может сделать, — спрашивает один из товарищей, — английский империализм со стороны Персии и Турции в случае нашего вмешательства в военные дела? Не может ли он оставить мировую революцию без бакинской нефти, и вообще есть ли с этой стороны опасность?» Опасности есть со всех сторон и с этой точно также, в этом не может быть сомнения. Если завяжется большая буря, то, конечно, враги попытаются причинить нам ущерб решительно везде и всюду. Что же тут можно сказать? Придется глядеть в оба и на Кавказе. С другой стороны, придется выбирать главное направление и второстепенные, но сейчас мы в эти тонкости вдаваться не будем.

«Вы не говорили о роли Румынии? Правда, я не говорил, да и трудно говорить о роли Румынии, ибо роль Румынии учесть заранее всегда трудно. Как вы знаете, Румыния находится в союзе с Польшей, но Румыния всегда изменяет своим союзникам. Она всегда изменяла им в прошлом, выжидала и вмешивалась в борьбу в такой момент, когда ей казалось, что шансы совсем обеспечены, но иногда она просчитывалась. Насколько мы знаем, польский генеральный штаб в своих расчетах не считается с Румынией, как с надежным союзником, так как знает характер правящей тамош-

ней касты. Можно сказать одно, что если будет действительно великая контр-революционная европейская коалиция, то вероятно и Румыния в этот хоровод попадет потому, что шансов на победу будет много. Если же это не состоится, — а сложиться этой мировой коалиции дело не простое и не легкое, — то Румыния займет выжидательную позицию. Конечно, ее позиция будет зависеть еще и от того, как будут выглядеть наши войска и на Украине и в других районах, примыкающих непосредственно к западной границе нашего союза. Во всяком случае, одно могу сказать, что в Румынии ни мы, ни германская революция не имеют друга, это совершенно очевидно.

«Какое положение будут играть буферные государства: Эстония, Латвия, Литва, в случае революции в Германии? Каково должно быть наше к ним отношение?» Я думаю, что то, что я сказал о Польше, относится и к ним, в большей или меньшей степени. Все, что я сказал, в меньшем формате относится и к этим государствам. Наша политика по отношению к ним должна быть такой же, т. е. настойчивое миролюбие, не пассивное миролюбие, а настойчивое. Миролюбие предполагает иной раз, что человек и кулаком по столу стукнет, доказывая необходимость сохранения мира тому, кто не хочет этого понимать (смех, аплодисменты).

«Исключается ли возможность оккупации революционной Германии цветными войсками Франции, какие возможности этого и каковы в таком случае перспективы?»

Конечно, возможно, что какие-нибудь 200—300.000 цветных войск Франция сможет выбросить, но не больше, потому что развитие колониальных войск — это медленный процесс вследствие недостаточной культурности туземного населения. Перспективы, я бы сказал, обоюдоострые. Эти черные части склонны к безудержным насилиям, жестокостям и т. д. по своей культурной отсталости, но, с другой стороны, они склонны и к устройству мятежей, к пассивному и активному сопротивлению, к избитию своих офицеров, они могут поддаваться и пропаганде, конечно, не коммунистической, но нужно найти доступ к ним. Грамотных среди них мало. Конечно, арабы культурнее негров. Но вполне возможна работа и среди негров, так как есть негры-революционеры, негры-коммунисты. Так что эта была бы спецификация общей задачи разложения оккупантских войск.

«Как понимать данное вами интервью американскому сенатору?» (Смех).

Я думаю, что этого не нужно раз'яснять. Я с американским

сенатором говорил крайне популярно, и то, что понятно американскому сенатору, подавно должно быть понятно военно-политическому работнику. Что я ему сказал? Я ему сказал то, что докладывал здесь, только проще и короче. Что надо во чтобы то ни стало сохранить мир, что мы очень сочувствуем германской революции, но отнюдь не собираемся посылать войска в Берлин на помощь. Я сказал ему, что ни одного солдата за пределы нашего союза мы не пошлем, если не будем к этому вынуждены давлением враждебных нам сил. Мысль вполне правильная, которую я прошу вас разделить.

Говоря серьезно, как мы ставим вопрос и как мы будем его ставить? Скоро будет 6-я годовщина революции. Какие лозунги будут нами выброшены, как мы скажем: «Да здравствует революционная война» или «Да здравствует мир»? Что касается меня, то я голосую за лозунг: «Да здравствует мир!» и думаю, что ЦК партии такой лозунг даст. «Да здравствует победа германской революции», «Да здравствует мир между народами Европы!» Это я сказал сенатору, и он казался удовлетворенным, по впечатлению, которое я вынес.

Еще вопрос: «Разве польскому господствующему классу не известно, что победа революции в Германии предопределяет то же самое в Польше?»

Это лишь абстрактная и потому недостаточная для практической борьбы постановка вопроса. Конечно, если бы польский господствующий класс в целом пришел к выводу, что революция победит, укрепитя, удержится на годы, то, разумеется, результат был бы такой, что он, во имя самохранения, должен был бы начать против этой революции борьбу. Но в том-то и суть, что и революция в Германии пока не победила, исход ее не предрешен. В самой Польше борются разные течения внутри господствующих классов и ими по разному оцениваются шансы революции в Германии. Это все надо учесть. Революция в Германии будет проходить разными стадиями, с приливами и отливами. Господствующие классы соседних стран будут надеяться на то, что эта революция скоро падет, что она — проходящее явление. Попытка крайнего правого империалистического крыла немедленно вмешаться будет встречать оппозицию со стороны средней и мелкой буржуазии. Не нужно себе представлять господствующий класс буржуазной страны, как законченное существо с одним цельным разумом, который оценивает все события в перспективе, логически вынося со-

ответственные решения. Там идет жестокая внутренняя борьба, оценки меняются, настроения колеблются, решения сменяют друг друга, и таким образом получается, значит, выигрыш времени. Это и есть та самая передышка, о которой я уже говорил. Не исключена, конечно, возможность, что вмешательство последует уже в первый период. Но на этом пути, как сказано, много препятствий.

На счет абстракционной агитации, казенщины, о которой я говорил в прошлый раз, я позволю себе, в качестве примера, процитировать, не скажу из какого доклада, несколько строк. Вот что здесь говорится: «Последние события в Германии создали энтузиазм в большинстве частей. Ряд резолюций, вынесенных отдельными частями, свидетельствует об общей готовности поддержать германский пролетариат. Других материалов о революционном настроении кр-цев не имеется». Когда я прочитал это, я тогда же покачал головой. Я бы очень усомнился в правильности действий тех политработников, которые таким упрощенным способом оценивают энтузиазм наших полков: подмахнули, дескать, резолюцию, — следовательно, готовы идти на помощь германскому рабочему. Я очень в этом сомневаюсь. И серьезно думаю, товарищи, что от такой бюрократической оценки нам нужно в эту ответственную эпоху отучаться. С таким вопросом шутить нельзя.

СОДЕРЖАНИЕ.

	Стр.
1. Революция и война	3
2. Провал болгарской революции	4
3. Положение в Германии	5
4. Германская революция и Польша	17
5. Мост или барьер?	19
6. Наши задачи	22
7. Из заключительного слова	31

Высший Военный Редакционный Совет.

Москва, Смоленский бул., 53, тел. 2-15-20.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Цена в червонных рублях.)

М. ЛИПКОВСКИЙ.

Беседа о земельном кодексе.
32 стр. Цена 10 к.

Брошюра, написанная популярным языком, объясняет красноармейцу основные положения о современных порядках землепользования и землеустройства.

Л. МИТНИЦКИЙ.

„Герой Кнопкин“. Повестушка.
С рис. М. Черемных. 43 стр.
Ц. 10 к.

Полезная, занимательная книжка для красноармейских библиотек, мастерски рисующая четкую фигуру образцового воина — „Героя Кнопкина“.

Сельское хозяйство России и политика Советской власти в деревне.

200 стр. Ц. 50 к.

В сборнике популярно изложены основные мероприятия Советской власти по поднятию сельского хозяйства.

А. НЕВЕРОВ.

„Я хочу нить“. Рассказы. 47 стр.
Ц. 20 к.

В помощь библиотечному.

Библиотечный сборник под редакцией Е. Хлебцевича.

180 стр., с рис. Ц. 1 р.

Д. КИМ.

„Красная Звезда“. Хрестоматия под редакцией М. Рафеса.

391 стр. Ц. 2 р. 25 к.

Незаменимое пособие для красноармейских школ и клубов. Первая книга после букваря, составленная из образцов классических и новейших произведений русских и иностранных писателей.

„За новый мир“.

Революционный чтен.-декламатор. 200 стр. Ц. 1 р.

Сборник революционных произведений для громкого чтения и декламации.

И. БЛЮМИН.

Что читать по политграмоте. Руководство для самообразовательного чтения. 88 стр. Ц. 35 к.

Заказы адресовать в В. В. Р. С.

При покупке скидка от 15 до 30%, в зависимости от числа приобретенных экземпляров.

Sp. 50n

